
Мария Козлова

«СТИГМА РАСЫ»: СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ МИГРАНТОВ ИЗ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В МОСКВЕ

Интеграцию представителей «видимых меньшинств» затрудняет давление стигмы, актуализация которой приводит к ограничению доступа к различным ресурсам и деструктивно сказывается на личностной и социальной идентичности индивида. На основе данных, полученных в ходе проведения фокус-групп с мигрантами из республик Северного Кавказа, рассматривается роль этничности в выстраивании стратегий адаптации. Понимание роли, которую играют представления мигрантов о значимости этнического фактора во взаимодействии с принимающим населением, может быть полезным при разработке вариативных программ адаптации как принимающего населения, так и мигрантов к условиям поликультурности мегаполиса. В статье представлен анализ значимых проблем взаимного восприятия мигрантов и принимающего населения, особое внимание сосредоточено на феномене этнической стигматизации. Затем рассматриваются стратегии преодоления стигмы: актуализирующие этничность, и игнорирующие/минимизирующие ее роль. Опора на этнокультурные связи выступает одной из стратегий, наряду со другими, игнорирующими этничность либо минимизирующими ее значение. Стратегия совладания, основанная на актуализации этничности, реализуется в различных вариациях, из которых на основе высказываний участников фокус-групп описаны три. Две из них – «компенсаторная» и «обвинительная» – основаны на акцентировании достоинств ингруппы и недостатков аутгрупп. Третья ориентирована на оказание помощи и поддержки представителям своей группы. Реализация стратегии, минимизирующей значение этничности, начинается с усвоения индивидом негативных представлений об ингруппе

Мария Андреевна Козлова – к.и. н., доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: makozlova@yandex.ru

и самодистанцирования. Вторым шагом становится поиск объяснений этих воспринимаемых как реальность недостатков представителей своей этнической общности через внеэтнические факторы социального порядка, либо актуализация индивидуальных ресурсов и отказ от использования групповых категорий в выработке стратегий адаптации. Описанные стратегии подчеркивают не снижение актуальности этнического фокуса, а ее колебания в результате использования де-стигматизирующих дискурсов и практик, которые производят, преобразуют или порой игнорируют этнические границы.

Ключевые слова: миграция, стигма, дискриминация, стратегии совладания, копинг-стратегии, мигранты, республики Северного Кавказа

Социальная, экономическая и психологическая адаптация мигрантов часто анализируется через раскрытие стратегий преодоления повседневных трудностей. Основным механизмом совладания (*coping*) представляется опора на внутрigrupповые формы поддержки: как экономические возможности, предоставляемые диаспорой, так и психологические ресурсы – укрепление этнокультурной идентичности индивида через «инвестиции» в этнические традиции (Guarnizo et al. 1999; Нерворт 2012; Iosifides et al. 2007). На основе анализа опыта мигрантов из республик Северного Кавказа в Москву по данным проведенного исследования (2014), в статье рассматривается роль этничности в выстраивании стратегий адаптации в новой социокультурной среде.

Одной из проблем, давление которой «видимые меньшинства» (*visible minorities*) вынуждены преодолевать постоянно в процессе взаимодействия с другими людьми, является стигма. Стигматизация выступает инструментом актуализации межгрупповых границ, которая, с одной стороны, приводит к ограничению доступа к различным ресурсам, с другой – деструктивно сказывается на личностной и социальной идентичности индивида. Именно эти соображения делают исследование стратегий преодоления давления стигмы значимым для корректировки и диверсификации программ социальной адаптации стигматизируемых и дискриминируемых групп, а также для развития образовательных программ, ориентированных на профилактику ксенофобии и налаживание межкультурного взаимодействия.

Нас интересует, как интерпретируется и в каком значении актуализируется этничность в выстраивании повседневных стратегий мигрантов, направленных на совладание с негативными стереотипами принимающего населения. Не подвергая сомнению огромную потенциальную роль этничности в формировании опыта мигрантов, мы предлагаем рассматривать опору на этнокультурные связи лишь как одну из стратегий в ряду других – игнорирующих этничность либо минимизирующих ее значение. В первой части статьи мы кратко описываем актуальную ситуацию миграционного движения в Центральном федеральном округе,

далее обращаемся к анализу видимых мигрантами из республик Северного Кавказа проблем взаимного восприятия мигрантов и принимающего населения, сосредоточив особое внимание на феномене этнической стигматизации кавказцев. Затем рассматриваем различные стратегии преодоления стигмы: те, которые актуализируют этничность, и те, которые игнорируют/минимизируют ее роль.

Постановка проблемы и организация исследования

Центральный федеральный округ России (ЦФО) – регион-реципиент, где внешняя и внутренняя миграция на постоянное проживание выступает наиболее дешевым и быстрым способом компенсации убыли трудовых ресурсов и, в значительной степени, фактором сдерживания темпов депопуляции. Оставляя за границами внимания приток мигрантов из стран, образовавшихся после распада СССР, сосредоточимся на процессах внутренней миграции. Объем миграционных перемещений внутри России, сократившийся в 1990-е гг., оставался стабильным на протяжении 2000-х: число регистрирующихся на новом месте жительства в 2002–2011 гг. колебалось в районе двух млн человек (наименьшее число внутренних мигрантов зарегистрировано в 2009–1708 тыс. человек, наибольшее – в 2011 г. – 2059 тыс. человек). Последующее резкое увеличение числа зарегистрированных мигрантов обусловлено изменениями правил учета долговременной миграции, в соответствии с которыми в 2012 г. было зарегистрировано на 24% больше мигрантов, чем в 2011 г. За первое полугодие 2014 г. число мигрантов, сменивших место жительства в пределах России (без учета Крымского федерального округа), увеличилось на 1,8% – 38,1 тыс. человек – по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и составило 2112,6 тыс. человек (Демоскоп 2014).

Большая доля миграции населения республик Северного Кавказа приходится на внутренние перемещения в рамках СКФО, второе и третье по привлекательности межрегиональных миграций места занимают Южный и Центральный федеральный округа (таблица 1). Безусловно, очень высока привлекательность столичного региона, отличающегося активностью финансовых, хозяйственных и транзитных потоков: в ЦФО широко представлены практически все северокавказские диаспоры.

Интенсивность межгруппового взаимодействия формирует у принимающего населения определенное мнение относительно миграции, мигрантов и взаимоотношений с ними. Социологические опросы ведущих центров изучения общественного мнения (Фонда общественного мнения, ВЦИОМ, Левада-Центра) представляют богатый материал, позволяющий проанализировать бытующие представления о межэтнических отношениях и содержание сложившихся стереотипных образов контактирующих групп.

Таблица 1.

**Внутрироссийская миграция населения СКФО, 2013 г.,
человек (Росстат, 2014)**

Территория выбытия	<i>Территория прибытия</i>				
	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО
Северо-Кавказский ФО	236981	33452	13331	32544	129091

Так, по оценкам населения, мигрантов «много» или «очень много» во всех областях – как в Москве и Московской области, которые получают наибольшую долю международной и внутренней миграции, так и в Брянской области, куда приток мигрантов довольно слабый (ФОМ СОЦ 2011). При том, что из экономических соображений центральные округа нуждаются в притоке мигрантов, значительная часть населения разделяет представление о том, что без мигрантов можно обойтись (Мукомель, Паин 2005, 2006). Миграция осознается как проблема, причем как острая – москвичей она беспокоит сильнее безработицы, неблагоприятных экологических условий или коррупции (Левада-центр 2012).

Российские авторы, обращаясь к анализу универсальных и культурно-специфических предпосылок нетерпимости по отношению к приезжим жителей крупных российских городов, в частности – московского региона, в числе прочих называют воспроизводство в общественно-политическом дискурсе идеи безоговорочной и тотальной роли этнической дифференциации в качестве ключевого аспекта многообразия. Отчасти укорененная в противоречивых советских практиках унификации и поддержки «титულных» народов (Шнирельман 2011, 2013), «логика размежевания по национальному признаку приводит к конструированию "другого" даже там, где его нет или же отличия незначительны» (Вендина 2005: 14). Предрассудки, складывающиеся в процессе этнической дифференциации, стали предметом нашего исследовательского интереса.

В 2013 г. был проведен полевой этап исследования, нацеленного на анализ факторов взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения. Указанная цель предполагает «взгляд с разных позиций» – отражение ситуации с точки зрения и принимающего населения, и мигрантов (что обусловило дизайн выборки для проведения фокус-групп), но в этой статье мы ограничимся рассмотрением одной перспективы. Статья посвящена поиску ответов на два основных вопроса. Во-первых, какие стратегии совладания со стигмой используют мигранты из республик Северного Кавказа? Во-вторых, какова роль этничности в выстраивании и реализации этих стратегий?

Использование метода фокус-групп позволяет исследовать процессы взаимной адаптации представителей принимающего населения и мигрантов в тех интерпретациях, которые продуцируются самим акторами,

вскрыть, таким образом, особенности восприятия давления стигмы и определить спектр стратегий совладания, используемых мигрантами. На первом этапе использовалось открытое кодирование транскриптов фокус-групп по предложениям и параграфам по принципу «главная идея». На втором этапе применялось избирательное кодирование, выстраивалась ось ключевых категорий. Далее использовалось осевое кодирование: вокруг центральной темы – «стратегии совладания» – осуществлялся поиск подтем, которые проясняли основную (основания стигматизации, давление стигмы, стратегии совладания). В числе последних особое внимание обращалось на роль этничности в выстраивании и реализации этих стратегий.

Таблица 2.

Дизайн фокус-групп (ФГ)

№ ФГ	Профиль респондента	Пол	Возраст	N
1	представители «принимающего населения»	муж	17–25	6
2			26–60	7
3		жен	17–25	8
4		жен	26–60	7
5	представители северокавказских народов, проживающие в Москве	муж	17–25	7
6			26–60	6
7		жен	17–25	9
8		жен	26–60	8

Стигматизирующие дискурсы и формирование границ

Обращение к ресурсам этнокультурной группы позволяет мигрантам рассчитывать и на социальную поддержку, и на расширение экономических возможностей (Mogosanu, Fox 2013). Однако «этничность» не только приносит пользу в процессе индивидуальной адаптации к условиям принимающего общества. Она также может быть представлена как источник стигматизации в дискурсе доминирующей группы: «Кавказцы? Я с ними даже разговаривать не буду. К ним подойти страшно, они ж дикие какие-то. Они варвары!» (ФГ4). Встречая незнакомца, индивид обращает внимание на наличие «некоего качества, отличающего его от других людей и являющегося нежелательным» (Goffman 1963: 14) – стигму, которую Ирвин Гоффман определяет как «атрибут глубинной дискредитации», «нежелательную различность», которая «портит» социальную идентичность индивида и влияет на ее оценку. Заметим, что «племенная

стигма расы, нации и религии» (*tribal stigma*) входит, по мнению Гоффмана, в число наиболее распространенных типов стигматизации.

Стигматизирующие дискурсы воспроизводятся и представителями меньшинства: «Если так смотреть, в общем, на население, просто внешне кавказцы бросаются в глаза, это примета» (ФГ7). Стигма, в результате, интерпретируется мигрантами как основание дискриминации:

Недавно одной близкой знакомой – на юридическом учился – дали задачу для рассмотрения для юристов выпускного курса. В задаче приведены как негативные лица, именно фамилии кавказские, понятные, звучные. И фамилия, грубо говоря, русского человека в противовес как хорошего положительного лица, на которого напали (ФГ7).

Наиболее показательны те случаи, когда участники фокус-групп говорят о дискриминации в отношении кавказцев, которые «выглядят почти как русские» – здесь «от противного» акцентируется интериоризованность стигмы и ее значимость в процессе повседневного взаимодействия. Стигматизирующие дискурсы, действующие согласно логике этнической дифференциации, представляются мощным инструментом, который актуализирует и закрепляет этнические границы, делая возможным ограничение доступа к различным ресурсам:

Я заканчивала в свое время московскую школу <...> Была ситуация с птичьим гриппом. Мы приехали <...>, и директор сказал: «Есть ли у вас справки, что вы не больны, не заражены»? Я говорю: «Извините, пожалуйста, но я приехала оттуда, где не было этой эпидемии. Я абсолютно здорова, и, в принципе, ее быть не может». Охранник взял меня под ручку и выпроводил из школы. Буквально через недели две или три после меня из-за границы, из Европы приехала девочка, и там эта проблема была, эта болезнь распространялась. Она пришла в школу нормально, у нее ни справок, ничего не возникло (ФГ7).

Понимание используемых мигрантами различных стратегий управления стигмой проливает свет на процессы, которые отражают усиление, изменение конфигурации или ослабление этнических границ (Lamont, Mizrahi 2012; Wimmer 2008).

Стратегии совладания

Существуют, по крайней мере потенциально, разные возможности влияния стигмы на идентичность и представления о границах: стигматизация может повышать субъективную значимость этничности, стимулируя «реактивную» этническую солидарность, но может и ослаблять ее, оказывая давление на мигрантов (Portes 1999). Большой пласт литературы описывает разнообразные стратегии мигрантов (и меньшинств), направленные на управление «родовой стигмой» (Fleming et al. 2012; Lamont, Mizrahi

2012; Ryan 2010; King, Mai 2009; Корнина 2006). Некоторые из этих стратегий могут актуализировать и тем самым повышать значимость этничности, часто путем ее рекалибровки в положительные значения, «перекрашивания» образа собственной группы при помощи позитивных символов.

Как отмечает Гоффман, носитель стигмы может обращаться к «своим», носителям той же стигмы, для получения моральной поддержки (Goffman 1963). Выше было продемонстрировано, что в различных социокультурных контекстах, управление «испорченной идентичностью» предполагает использование стигмы в качестве основы организации жизни сообщества. Так, представители меньшинств объединяются, принимая попытки представить этнокультурные особенности в позитивном ключе, одновременно занимая критическую позицию по отношению к доминирующему (стигматизирующему) населению. Это фиксировалось в эмпирических исследованиях филиппинцев (Espiritu 2001), мексиканских американцев и коренных американцев в США (Vasquez, Wetzel 2009), сомалийцев в Торонто (Kusow 2004). Таким образом, меньшинства сопротивляются маргинализации, используя те же (расовые/этнические) термины, что и большинство использует в отношении их, но наделяя эти термины новыми значениями. Этнические и расовые категории различия, таким образом, воспроизводятся, а иногда трансформируются и укрепляются в стратегиях совладания со стигматизацией.

Использование этой стратегии совладания, основанной на актуализации, акцентировании этничности, продемонстрировали и наши респонденты. Эта стратегия реализуется в различных вариациях, из которых две весьма близки, а третья отличается от них принципиально. Два родственных варианта реализации этноориентированной стратегии совладания со стигмой мы обозначили как «а мы зато...» и «на себя посмотрите». В первом случае акцентируются достоинства своей группы, например, трудолюбие:

Казахи очень ленивые <...>, сами не хотят держать скот, ленятся, они могли молока для чая надоить и все, а там пусть корова сдохнет. А наш народ сам спать не ляжет, пока за животными не посмотрит (ФГ8).

В качестве достоинств могут выступать высокие моральные принципы сообщества, например, уважение к старшим:

Элементарно то, что, когда заходит преподаватель, непосредственно старший человек, я проявил уважение, то есть привстал, у русских это отсутствует <...> Для некавказского парня [нормально] там, выйти к коменданту, извините меня, в полуголом состоянии или в майке. Кавказский парень, допустим, так не выйдет (ФГ5).

Вторая вариация ориентирована не столько на подчеркивание достоинств своей группы, сколько на акцентирование недостатков другой:

Нам говорят, что чеченцы головорезы, мы ведь не говорим, что по телевизору показывают всяких убийц, чикатил, он там сколько натворил, сколько все чеченцы, все вместе взятые (ФГ8).

Третий вариант реализации этноориентированной копинг-стратегии принципиально отличается от первых двух. Он ориентирован на оказание помощи и поддержки представителям своей группы:

В интернете прочла – информация для тех, кто проживает в разных городах России – 13.04. в разных городах агрессивно настроенные граждане проведут день русского гнева, в 13:00 начнутся акции. Поэтому сейчас вам предоставляется перечень городов, где планируется мероприятия – в какое время и в каком месте. То есть опасайтесь, чтобы не появляться в этих местах, опасайтесь как ОМОНа, так и агрессивно настроенных вот этих граждан (ФГ7).

Здесь мы наблюдаем конструктивную – активистскую – позицию, которая, несмотря на наличие реальной угрозы, осуществляется как забота о благополучии интруппы и не имеет характера психологической защиты через дискриминацию аутгруппы.

Этническая солидарность и переопределение – описанные явления, но это не единственный ответ на навешивание ярлыков. На примере территориальной стигмы был продемонстрирован противоположный эффект стигматизации, когда стигма стимулирует практики социальной дифференциации и дистанцирования среди ее жертв (Wasquand 2008). Риторика диссоциации проявляется среди некоторых стигматизированных групп мигрантов. Ассоциирование с преступной деятельностью и негативное освещение в прессе может привести некоторых мигрантов к усвоению этих стереотипных представлений и распространению чувства избегания, социальной фрагментации и недоверия по отношению к своему сообществу, как отмечалось, например, в отношении колумбийцев (Guarnizo et al. 1999), русских (Kopnina 2006), албанских мигрантов (Iosifides et al. 2007; King, Mai 2009). Схожие идеи высказываются участниками фокус-групп из числа представителей регионов Северного Кавказа:

Изначально, когда люди приезжают, просто ведут себя как животные, большинство людей, которые приезжают, ведут себя так, как им хочется» (ФГ6); «это виноваты те, во-первых, это самые первые люди, кто приехали сюда и вели себя не так, как себя надо вести (ФГ5).

Как вариант реализации того же принципа может рассматриваться и довольно типичный для высказываний женщин случай самодистанцирования по гендерному принципу – отделение себя не от этнокультурной общности в целом, а от мужской ее части:

Я не сталкивалась с девушкой с Кавказа, которая как-то себя проявляла негативно, в основном это мужчины все. Женщина, приехавшая в Москву, она не побежит с флагом на спине танцевать лезгинку

на Красную площадь, грубо говоря, вот в чем дело. Это достаточно миролюбивое, спокойное, тихое создание. Но при этом могу сказать, что любовь ко всякому патриотизму может проявляться в ней достаточно, но не так навязчиво (ФГ9).

В каком-то смысле, избегание и дистанцирование от сообщества может усилить значимость этничности в отрицательном смысле, воспроизводя преобладающие негативные высказывания и стереотипы, тем самым подчеркивая этнически маркированные границы и превращая этничность в основной механизм определения и демаркации социальных групп. Однако дистанцирование от стигматизированной категории может также стимулировать развитие альтернативных копинг-стратегий путем обращения к неэтническим качествам и способностям.

Таким образом, реализация стратегии, минимизирующей значение этничности, начинается с соглашения с негативными представлениями об ингруппе и самодистанцирования индивида от группы соотечественников. Вторым шагом может стать поиск объяснений этих уже воспринимаемых как объективная реальность недостатков представителей своей этнической общности через внеэтнические факторы социального порядка:

Сейчас собираются и другие группы молодых людей, некавказской национальности, почему они собираются... они необразованные, малообеспеченные <...> Точно такие же семьи, точно такие же ситуации есть и на Кавказе, они сейчас там прикрываются именем ислама, эти все террористы <...>, а на самом деле они бывшие уголовники, необразованные, у кого там отца нету... мамы нету, кто там рос в негативных условиях, негативной обстановке (ФГ5).

В данном случае социальные факторы внеэтнического порядка используются в качестве основы социальной дифференциации.

Стратегии совладания со стигмой, направленные на поддержание/повышение собственного социального статуса, связаны, как правило, с образованием, профессиональными компетенциями и карьерным ростом (Lamont, Fleming 2005; Morosanu, Fox 2013). Однако если в исследовании адаптации мигрантов из Румынии в Великобритании представители мигрантских групп демонстрируют переориентацию от дискредитированной аскриптивной групповой идентичности на достигаемую индивидуальную посредством акцентирования значения образования и профессиональных успехов (Morosanu, Fox 2013), участники проведенных нами фокус-групп поступают иначе. Подобного рода индивидуально-ориентированные стратегии они используют нечасто, и их репрезентация в высказываниях мигрантов из республик Северного Кавказа несколько отличается от представленной в упомянутых источниках:

Обдумывать все свои поступки <...> подумать заранее, если я так сделаю, то ...обдуманно поступать – это плюс будет (ФГ 5).

В высказывании участника речь идет не столько о личных достижениях, сколько о личной ответственности: за производимое впечатление, за – в перспективе – успешность взаимодействия с представителями принимающего сообщества, и в итоге – за успешность адаптации в новой социокультурной среде.

Таким образом, в приведенных примерах высказываний наших участников отражается переориентация с этнических оснований притязаний на членство и статус на иные, что ведет, в конечном счете, к размыванию границ, «преодолению этничности как принципа категоризации и социальной организации» (Wimmer 2008: 989).

Заключение

Мы рассмотрели, как этничность включается в выстраивание стратегий совладания со стигматизацией на примере мигрантов из республик Северного Кавказа в Москву. Цель заключалась в выявлении способов использования этничности в формировании реакций на стигматизацию. Таким образом, стигматизация служила отправной точкой для изучения различной роли этнической самокатегоризации в повседневных реакциях мигрантов на негативную категоризацию и в выработке копинг-стратегий. Мы выявили различные типы ответов на стигматизацию: одни основаны на конструировании этничности, другие стремятся к деэтнизации.

По результатам проведенного нами и опубликованных другими авторами исследований можно выделить шесть стратегий совладания, применяемых представителями стигматизируемых групп. Во-первых, компенсаторная («а мы зато...») – принятие стигмы и ее «перекрашивание», нахождение и демонстрация (артикулирование) положительных качеств группы. Во-вторых, агрессивно-оборонительная («на себя посмотрите...») – приписывание негативных качеств дискриминирующим группам. В-третьих, диссоциация и избегание «соплеменников» – принятие «племенной стигмы» и демонстрация отсутствия/разрыва связей с ней (со всеми или с отдельными категориями, как в нашем случае – по гендерному признаку. В-четвертых, идентификация со стигматизированной группой с ориентацией на помощь «своим». В-пятых, ориентация на личностные категории, игнорирование групповых – в том числе этнических – идентификаций. Наконец, ориентация на иные – неэтнические – групповые идентичности, достигаемые статусы.

При использовании первых трех из описанных стратегий представители меньшинств воспроизводят и укрепляют границы между своей группой и большинством, выстраивая дискурс в тех же категориях, которые используются для дискриминации, однако придавая им иные значения и оценки. Четвертая стратегия так же, как первые три, предполагает самоидентификацию в категориях этничности, но актуализирует не за-

щитную стратегию, а поведение, ориентированное на рост благополучия группы. В рамках пятой и шестой стратегий представители меньшинств могут прибегать к актуализации вне-этнических аспектов и категорий для снижения давления стигмы этнического происхождения и стирания границ в процессе взаимодействия. Из упомянутых участниками к такого рода категориям могут быть отнесены только личностные характеристики, что свидетельствует, скорее, о приоритете личной идентичности по отношению к социальной в иерархии самоидентификаций, об ориентации на личные качества, а не достижения. Так, если в работах зарубежных исследователей в качестве стратегий интеграции представители стигматизированных групп избирают другие групповые идентичности – профессиональную, образовательную, классовую – и демонстрируют таким образом игнорирование этнических границ, то наши респонденты не демонстрируют стратегий деэтнизации и ориентации на личные достижения. Можно предположить, что стигматизирующие практики настолько широко распространены и действенны, а стигма глубоко интериоризирована представителями стигматизированной группы, что при наложении на нее иных категорий (гендерных, классовых, профессиональных), они никогда ее не полностью заслоняют. Таким образом, описанные по результатам нашего исследования стратегии подчеркивают не снижение актуальности этнического фокуса, а ее колебания в результате использования дискурсов и практик, снижающих давление стигмы.

Выражение признательности

Статья подготовлена в результате исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Список источников

Вендина О. И. (2005) Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? Ж. А. Зайончковская (ред.) *Миграционная ситуация в регионах России*. Вып. 3, М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Демоскоп Weekly (2014) Демографические итоги I полугодия 2014 года. № 613–614. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9v4x5> (дата обращения: 12 января 2015).

Левада-Центр (2012) Национальная политика и отношение к мигрантам. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9v4xT> (дата обращения: 04 января 2015).

Мукомель В. И., Паин Э. А. (ред.) (2006) *Нужны ли иммигранты российскому обществу?* М.: Фонд «Либеральная миссия».

Мукомель В. И., Паин Э. А. (ред.) (2005) *Толерантность против ксенофобий*, М.: Институт социологии РАН.

Росстат (2014) Численность населения/Демография/Миграция. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9YES6> (дата обращения: 28 декабря 2014).

ФОМ СОЦ (2011) Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам. Доступно по ссылке: <http://fom.ru/Mir/10442> (дата обращения: 07 января 2015).

Шнирельман В. А. (2011) *«Порог толерантности». Идеология и практика нового расизма*, М.: НЛЮ.

Шнирельман В. (2013) Советский парадокс: расизм в стране «дружбы народов»? Е. Деминцева (ред.) *Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели*, М.: НЛЮ: 97–115.

Espiritu Y.L. (2001) 'We Don't Sleep around like White Girls do': Family, Culture, and Gender in Filipina American Lives. *Signs*, 26(2): 415–440.

Fleming C. M., Lamont M., Welburn J. S. (2012) African Americans Respond to Stigmatization: The Meanings and Salience of Confronting, Deflecting Conflict, Educating the Ignorant and 'Managing the Self'. *Ethnic and Racial Studies*, 35 (3): 400–417.

Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*, New York: Prentice-Hall.

Guarnizo L. E., Sánchez A. I., Roach E. M. (1999) Mistrust, Fragmented Solidarity, and Transnational Migration: Colombians in New York City and Los Angeles. *Ethnic and Racial Studies*, 22 (2): 367–396.

Hepworth K. (2012) Abject Citizens: Italian 'Nomad Emergencies' and the Deportability of Romanian Roma. *Citizenship Studies*, 16 (3–4): 431–449.

Iosifides T., Lavrentiadou M., Petracou E. (2007) Forms of Social Capital and the Incorporation of Albanian immigrants in Greece. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 33 (8): 1343–1361.

- King R., Mai N. (2009) Italophilia meets Albanophobia: Paradoxes of Asymmetric Assimilation and Identity Processes Among Albanian Immigrants in Italy. *Ethnic and Racial Studies*, 32 (1): 117–138.
- Kopnina H. (2006) Invisible Community: Russians in London and Amsterdam. J. Stacul, C. Moutsou, H. Kopnina (eds.) *Crossing European Boundaries: Beyond Conventional Geographical Categories*, New York: Berghahn Books: 103–119.
- Kusow A. M. (2004) Contesting Stigma: On Goffman's Assumptions of Normative Order. *Symbolic Interaction*, 27 (2): 179–197.
- Lamont M., Fleming C. M. (2005) Everyday Antiracism: Competence and Religion in the Cultural Repertoire of the African American Elite. *Du Bois Review*, 2 (1): 29–43.
- Lamont M., Mizrahi N. (2012) Ordinary People Doing Extraordinary Things: Responses to Stigmatization in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 35 (3): 365–381.
- Morosanu L., Fox J. E. (2013) 'No Smoke without Fire': Strategies of Coping with Stigmatised Migrant Identities. *Ethnicities*, 13 (4): 438–456.
- Portes A. (1999) Conclusion: Towards a New World – the Origins and Effects of Transnational Activities. *Ethnic and Racial Studies*, 22 (2): 463–477.
- Ryan L. (2010) Becoming Polish in London: Negotiating Ethnicity Through Migration. *Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture*, 16 (3): 359–376.
- Vasquez J. M., Wetzel C. (2009) Tradition and the Invention of Racial Selves: Symbolic Boundaries, Collective Authenticity, and Contemporary Struggles for Racial Equality. *Ethnic and Racial Studies*, 32 (9): 1557–1575.
- Wacquant L. (2008) *Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality*, Cambridge: Polity Press.
- Wimmer A. (2008) The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. *American Journal of Sociology*, 113 (4): 970–1022.

Maria Kozlova

'THE RACE STIGMA': THE COPING STRATEGIES EMPLOYED BY MIGRANTS FROM THE NORTH CAUCASUS IN MOSCOW

Integration of 'visible minorities' is complicated by the pressure of stigma that, when acted out, can restrict access to various resources and have a destructive impact on the personal and social identity of an individual. This article examines how ethnicity has influenced the formation of adaptation strategies in the specific case of North Caucasus migrant experience in Moscow. Studying migrant attitudes can help improve the effectiveness of various adaptation programs, which are of benefit to both the host population and the migrants of Moscow's multicultural metropolis. The following research questions are considered: What coping strategies are used by migrants from the North Caucasus? What is the role of ethnicity in shaping and implementing these strategies? Activating the resources of ethno-cultural networks can be a great source of hope to migrants seeking social protection and economic empowerment, but at the same time it can be source of stigma in the discourse of the dominant group. Stigmatizing discourses are reproduced by the minorities and become a powerful tool that reinforces and perpetuates ethnic boundaries, restricting access to various resources. Reliance on ethno-cultural communication is only one of the strategies employed. Others exist that can be based on ignoring ethnicity or minimizing its importance. The coping strategies that emphasise ethnicity can be implemented in a variety of ways. We outlined three such versions after analysing the comments made by participants in our focus groups. Two of them, which we term 'compensatory' and 'accusatory,' essentially serve the function of psychological protection as they focus on the in-group's merits, while underlining the failings of the out-groups. The third version is aimed at providing of support to the members of one's group. The implementation of strategies that minimizes the importance of ethnicity begins with acquiring negative beliefs about one's in-group and distancing oneself from the co-ethnics group. The second step involves searching for explanations for the shortcomings of one's co-ethnic group, which is achieved by referring to non-ethnic factors perceived as objective social factors. In other cases these issues can be sidestepped by resorting to individual resources in social adaptation and rejecting the use of group categories.

Keywords: migration, stigma, discrimination, coping strategies

References

Demoskop Weekly (2014) Demograficheskie itogi I polugodija 2014 goda [The Demographic Results of the First Half of 2014]. N 613–614. Available at: <https://clck.ru/9v4x5> (accessed: 10 February 2015).

Maria A. Kozlova – PhD in History, associate professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. Email: makozlova@yandex.ru

- Espiritu Y. L. (2001) 'We Don't Sleep around like White Girls do': Family, Culture, and Gender in Filipina American Lives. *Signs*, 26(2): 415–440.
- Fleming C. M., Lamont M., Welburn J. S. (2012) African Americans Respond to Stigmatization: The Meanings and Salience of Confronting, Deflecting Conflict, Educating the Ignorant and 'Managing the Self'. *Ethnic and Racial Studies*, 35 (3): 400–417.
- FOM SOC (2011) Otnoshenie k migrantam-sosedjam i migrantam-kollegam [Attitudes towards Migrants-as-neighbors and Migrants-as-colleagues]. Available at: <http://fom.ru/Mir/10442> (accessed: 10 February 2015).
- Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*, New York: Prentice-Hall.
- Guarnizo L. E., Sánchez A. I., Roach E. M. (1999) Mistrust, Fragmented Solidarity, and Transnational Migration: Colombians in New York City and Los Angeles. *Ethnic and Racial Studies*, 22 (2): 367–396.
- Hepworth K. (2012) Abject Citizens: Italian 'Nomad Emergencies' and the Deportability of Romanian Roma. *Citizenship Studies*, 16 (3–4): 431–449.
- Iosifides T., Lavrentiadou M., Petracou E. (2007) Forms of Social Capital and the Incorporation of Albanian Immigrants in Greece. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 33 (8): 1343–1361.
- King R., Mai N. (2009) Italophilia meets Albanophobia: Paradoxes of Asymmetric Assimilation and Identity Processes among Albanian Immigrants in Italy. *Ethnic and Racial Studies*, 32 (1): 117–138.
- Kopnina H. (2006) Invisible community: Russians in London and Amsterdam. J. Stacul, C. Moutsou, H. Kopnina (eds.) *Crossing European Boundaries: Beyond Conventional Geographical Categories*, New York: Berghahn Books: 103–119.
- Kusow A. M. (2004) Contesting Stigma: On Goffman's Assumptions of Normative Order. *Symbolic Interaction*, 27 (2): 179–197.
- Levada-Center (2012) Nacional'naja politika i otnoshenie k migrantam [Nationality Policy and Attitudes towards Migrants]. Available at: <https://clck.ru/9v4xT> (accessed: 10 February 2015).
- Lamont M., Fleming C. M. (2005) Everyday Antiracism: Competence and Religion in the Cultural Repertoire of the African American Elite. *Du Bois Review*, 2 (1): 29–43.
- Lamont M., Mizrahi N. (2012) Ordinary People Doing Extraordinary things: Responses to Stigmatization in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 35 (3): 365–381.
- Morosanu L., Fox J. E. (2013) 'No Smoke without Fire': Strategies of Coping with Stigmatised Migrant Identities. *Ethnicities*, 13 (4): 438–456.
- Mukomel' V. I., Pain E. A. (eds.) (2006) *Nuzhny li immigranty rossijskomu obshchestvu?* [Does Russian Society need Immigrants?], Moscow: Liberal mission foundation.
- Mukomel' V. I., Pain E. A. (eds.) (2005) *Tolerantnost' protiv ksenofobij* [Tolerance against Xenophobia], Moscow: IS RAS.
- Portes A. (1999) Conclusion: Towards a New World – the Origins and Effects of Transnational Activities. *Ethnic and Racial Studies*, 22 (2): 463–477.

Rosstat (2014) Number of People/Population/Migration. Available at: <https://clck.ru/9YES6> (accessed: 28 December 2014).

Ryan L. (2010) Becoming Polish in London: Negotiating Ethnicity through Migration. *Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture*, 16 (3): 359–376.

Shnirel'man V.A. (2011) 'Porog tolerantnosti'. *Ideologija i praktika novogo rasizma* [The 'Threshold of Tolerance'. The Ideology and Practice of the New Racism], Moscow: NLO.

Shnirel'man V. (2013) Sovetskij paradoks: rasizm v strane 'druzby narodov'? [The Soviet Paradox: Racism in the Country of 'Friendship of Peoples?'] E. Deminceva (ed.) *Rasizm, ksenofobija, diskriminacija. Kakimi my ih uvideli* [Racism, Xenophobia, Discrimination. What We Saw], Moscow: NLO: 97–115.

Vasquez J.M., Wetzel C. (2009) Tradition and the Invention of Racial Selves: Symbolic Boundaries, Collective Authenticity, and Contemporary Struggles for Racial Equality. *Ethnic and Racial Studies*, 32 (9): 1557–1575.

Vendina O.I. (2005) *Migranty v Moskve: grozit li rossijskoj stolice jetniceskaja segregacija?* [Migrants in Moscow: Does Ethnic Segregation Endanger the Russian Capital]. Zh.A. Zajonchkovskaja (ed.) *Migracionnaja situacija v regionah Rossii*, 3 [The Migration Situation in the Russian Regions], Moscow: Institute for Economic Prognosis RAS.

Wacquant L. (2008) *Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality*, Cambridge: Polity Press.

Wimmer A. (2008) The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: a Multilevel Process Theory. *American Journal of Sociology*, 113 (4): 970–1022.